

тить, что въехал он туда „с честью и славою великою“ (стр. 217); мог привести ту же формулу даже в том случае, когда она вступает в явное противоречие с его же собственным текстом: киевляне, прощаясь у него с Изяславом Мстиславичем, обещают хранить Изяславу верность („оже нам с Гюргем не ужити“); сообщая же, несколькими строками ниже, о въезде в Киев Юрия Долгорукого, он написал, что встретили киевляне Юрия „с радостью великою“ (стр. 268). Здесь, конечно, не отражение действительности, а простой литературный штамп. Нередко рассказчик пользовался своими, только ему присущими оборотами речи, в его употреблении уже ставшими формулами („многое множество“, „и тако“, „пребыша у велице любви и у велице веселии“, „приложися к дедом своим и отцем своим и отдав общий долг, его же несть убежати всякому роженому“ и т. п.), и это обстоятельство позволяет установить принадлежность ряда рассказов Киевской летописи определенному автору. Вопрос об авторах Киевской летописи мог бы стать предметом специального исследования.

Во многом отступая от погодной записи даже по содержанию, летописный рассказ, однако, как видим, в литературном отношении существенно ничем от нее не отличается: разница здесь не качественная, но чисто количественная. Большой объем повествования, большая подробность изложения, известная связность и непрерывность его, большая по охвату фактов документальность, даже интерес к мелким деталям того или иного события, даже „автор“ — все это само по себе еще не свидетельствует о новом качестве летописного рассказа. Литературная природа его та же: и погодная запись и летописный рассказ объединяются единством одного и того же метода отражения исторической действительности. Думаю, что метод этот — он нуждается в историко-литературном определении — есть все основания назвать р е а л и з м о м. Разумеется, этот реализм нельзя отождествлять с реализмом литературы нового времени. Такое отождествление было бы и антиисторично, и искажало бы действительное положение вещей. О реализме Киевской летописи в привычном для нас понимании этого термина, в смысле метода, характерного для литературы XIX—XX вв., не может быть, конечно, и речи. Реализм летописца — средневекового типа; он стоит еще на той грани, которая едва отделяет литературу от документа; фиксируя во временной последовательности отдельные факты, с протокольной точностью иногда воспроизводя внешнюю канву событий, реализм летописца не обнаруживает признаков творческого переосмысления этих событий, не может возвыситься до каких-либо обобщений, явно предпочитая идти по линии чисто эмпирической регистрации исторических событий, иногда со своими оценками и морально-политическими комментариями.

3

Наряду с рассказами строго фактического и делового характера, Киевская летопись содержит в себе и еще один повествовательный жанр,